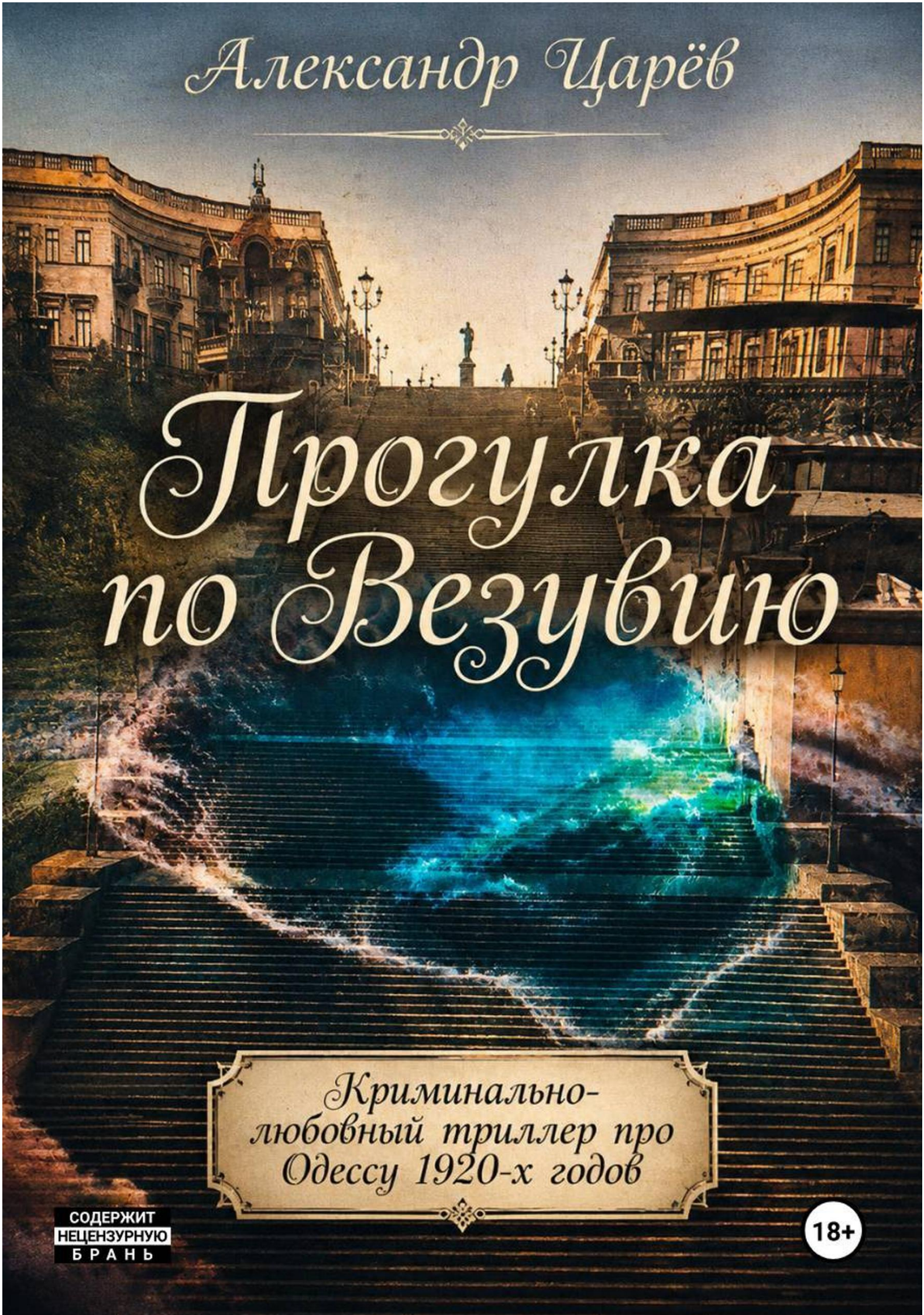

Александр Царёв
Прогулка по Везувию
Криминально-любовный триллер про Одессу 1920-х годов
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
18+

Александр Царёв

Прогулка по Везувию

«Автор»
2026

Царёв А.

Прогулка по Везувию / А. Царёв — «Автор», 2026

Одесса, 1920-е годы. Время, когда рухнул мир царских офицеров и город заполнили бандиты с Молдаванки и жёсткие тиски Чрезвычайной Комиссии в кожаных куртках.Альфред Верховный — бывший аристократ, который в пожаре революции потерял огромное состояние, наследие дворянской семьи и само право на будущее. Теперь он делит коммунальную квартиру с бывшей женой и случайными соседями: весёлыми евреями, занимающимися мелким криминалом, и бойцами «Белого подполья» с горячей жаждой мести.Опасности прибавляют красные комиссары, ищущие рядом с героем нити кровавой банды, о которой толком ничего не известно.Альфред же всего лишь хочет вернуть часть наследства. Он владеет информацией о загадочной картине, которая должна всплыть в городе.Однако всё меняет встреча с французской певицей, втягивающая его в ещё более опасную игру. Альфреду приходится задействовать старые связи в криминальных уголках города, чтобы выйти из безысходности, заполучить любовь и не оказаться на суде расстрельных троек.

© Царёв А., 2026
© Автор, 2026

Александр Царёв
Прогулка по Везувию

Глава 1

Я проснулся от навязчивого стука в дверь. Накинув на себя первые попавшиеся вещи, я хмуро побрёл через заваленную хламом комнату. Равнодушно повернул ключи в замке и дёрнул дверную ручку. В образовавшейся щели показалось круглое, встревоженное лицо тёти Сони — старшей по нашей коммуне и, по слухам, хозяйки всей квартиры в былые времена.

— Альфред, к тебе пришли, — тихо прошептала она.

— Кто? — холодно и сонно поинтересовался я.

— Чекисты! — быстро отрезала она.

Оцепенение резко выдернуло моё тело из остатков сна. Кожа покрылась ознобом. Глаза мигом пробежали по кругу — незастеленная кровать, шкаф эпохи романтизма и идентичный ореховый комод, в котором был спрятан револьвер. Рука потянулась в эту сторону — наверное, нужно быстро взять его, но я оставался на месте.

— Эй! Шо стоишь? Иди, давай, другого выхода нет, — одёрнула меня шёпотом тётя Соня.

Уяснив, что и правда «выхода нет», я прошёл через не очень длинный коридор на кухню округлой формы.

В центре помещения, за круглым столом, сидели две тёмные фигуры. На одном была чёрная шляпа, бросающая тень на лицо, и кожаная куртка, надетая поверх формы болотного цвета. На другом — фуражка с красной звездой и чёрная форма. Один из них воткнул дубовый взгляд в центр стола, прямо на сахарницу, другой же пронзительно сопровождал моё появление.

— Альфред Розенберг?! — жёстко спросил он. Из-под тени шляпы я рассмотрел его огромный бугорчатый нос и глаза неестественного вида, наверняка поражённые какой-то болезнью.

— Нет, — тихо ответил я. — Моя фамилия Верховный.

Второй чекист медленно оторвался от стула и подошёл ко мне. Он протянул руку, кисть которой уродовал сильный ожог. Красноватые пальцы сжимали удостоверение с надписью «Чрезвычайная Комиссия Одесской Губернии».

— Верховный? — переспросил он недоверчиво, а затем злобно ухмыльнулся. — Предъявите свои документы. — Его лицо было пустым, а глаза выражали желание арестовать меня, без формальностей.

— Одну минуту, — сказал я и направился в комнату.

Взяв паспорт со стола, я ещё раз бросил взгляд на комод с револьвером. Но доставать его не было времени, да и шум мог вызвать подозрения.

Я вернулся с паспортом, руки мои слегка подрагивали. «Бугорчатый Нос» жестом указал мне присесть за стол, я повиновался. Он взял мой документ и начал детально его осматривать.

— Чаю… товарищи? — подобострастно спросила тётя Соня. Я ощутил её неуверенный тон, так как она по привычке чуть не сказала «господа». Чекисты оставили её вопрос без ответа. Бугорчатый Нос вертел в руках мой паспорт, будто искал в нём что-то запрещённое.

— В округе орудует банда «Чёрная Кошка» под предводительством Альфреда Розенберга, — сказал он.

— Вам знаком Альфред Розенберг?! — тут же вставил вопрос Обожжённая Рука. Он стоял прямо надо мной.

— Не знаком… — медленно ответил я.

— По нашей информации, Розенберг скрывается в этой квартире, — закончил свою реплику Бугорчатый Нос.

— Скорее по доносу, — непонятно зачем сказал я и тут же поправил себя. — По лживому доносу, разумеется.

— У вас есть враги?! — вызывающе поинтересовался Обожжённая Рука и положил свою красную кисть на стол. При этом он наклонился вплотную, глядя мне прямо в глаза.

— Вроде бы нет, — ответил я.

— Тогда зачем им писать лживый донос? — спросил Бугорчатый Нос. Я промолчал, не зная что ответить.

— Альфред Верховный! Проследуйте с нами, — приказал Обожжённая Рука.

— Товарищи, я таки считаю, что в этом нет необходимости, — вступилась за меня тётя Соня. Оба чекиста молниеносно повернулись в её сторону, ошалев от такой наглости.

— За него может кто-то поручиться? — задумчиво спросил Бугорчатый Нос, который, видимо, был более прагматичным.

— Комиссар Гофтман, знаете такого?! — поспешила сказать тётя Соня. — Между прочим, Альфред Верховный является его лучшим другом. Комиссар Гофтман наш сосед, живёт напротив.

— Мы знаем, где он живёт! — отрезал Обожжённая Рука.

— Значит, Гофтман?.. — недоверчиво переспросил Бугорчатый Нос.

— Если хотите, я могу его позвать, — предложила тётя Соня. Я пришёл в недоумение от столь настырного вранья, так как Гофтман был последним, кого бы я мог назвать своим лучшим другом.

— В этом нет необходимости, — сказал Бугорчатый Нос после недолгого раздумья и вернул мне документ. Затем встал с места, ещё раз окинул меня взглядом и направился к выходу. Обожжённая Рука, нехотя, проследовал за ним.

— Я вас провожу, — сказала тётя Соня. Я машинально пошёл следом.

В парадной, как назло, стоял и курил Гофтман. На нём была белая майка и подштанники, так что он походил на обычного гражданина, даже несмотря на суровое лицо, лысую голову и чёрные густые брови.

Гофтман сопроводил взглядом проходящих мимо него чекистов, а затем посмотрел на нас с тётей Соней, стоящих в дверях.

В этот момент Обожжённая Рука как будто опомнился, резко развернулся и отдал честь. Бугорчатый Нос сделал то же самое, но медленнее и более формально, так как начал наблюдать за моими действиями. Гофтман, в свою очередь, даже не обернулся на коллег, а взгляд держал прямо, ровно на нас, слегка приподняв густые брови.

— Здравствуйте, Леонид Давыдович, — жалобно пролепетала тётя Соня, как будто бы прося защиты. У неё практически потекли слёзы. Я же смекнул, что «концерт» далеко не окончен и нужно срочно действовать.

— Доброе утро, Леонид! — Я сделал несколько шагов навстречу и протянул руку.

— Доброе. — Гофтман крепко пожал её. А я не спешил отпускать хватку, чтобы создать впечатление «приятной встречи».

Бугорчатый Нос всё понял и направился вниз по лестнице. Обожжённая Рука последовал за коллегой, но смотрел на нас до тех пор, пока не скрылся в лестничном проёме. Мне показалось, что в его глазах мелькнула искра ненависти

Я отпустил кисть Гофтмана. Тот же, не произнеся ни слова, лишь снисходительно ухмыльнулся. Стало понятно, что он быстро сообразил, что происходит. Он потушил сигарету и вернулся к себе в квартиру. Я тоже вернулся к себе.

* * *

— Ты-то хоть чай будешь?! — спросила тётя Соня.

— Конечно, — ответил я. Круглое лицо тёти Сони расплылось в улыбке. Она, как искусный кельнер, разлила по чашкам напиток. Несмотря на излишний вес и далеко за бальзаковский возраст, она всегда отличалась отменным здоровьем.

— А с каких пор все чекисты так реагируют на Гофтмана? — спросил я.

— Альфред, ты таки пребываешь в другом мире, — отшутилась она. — Ведь Леонид Давыдович теперь не только комиссар по нашему округу, он ещё и получил видное место в кабинете у самого Блюмкина!

— Какие ещё новости я не знаю?

— Ой-ой-ой! — Тётя Соня махнула рукой. — Остальные новости не столь значительны.

— Ну расскажите, раз в кои-то веки мы пьём чай вдвоём, — проявил я излишний интерес специально, так как знал, что тётя Соня сейчас с удовольствием расскажет все сплетни о моих соседях по коммуналке.

— Доктор Блюменколь захворал, — начала она. — Лежал в госпитале. Но оттуда его попросили... Вот вернулся, но уже который день не выходит из комнаты. Бедный... — с прискорбием добавила она. — А вот Пётр Гобченко, наоборот, невестой обзавёлся, вот свадьбу скоро будет праздновать.

— У него же денег на свадьбу нет, — недоумённо прокомментировал я.

— Альфред, ну это таки молодость, — тётя Соня по-матерински улыбнулась. — Куда там гроши, там любовь... Вспомни себя в его годы... Хотя вы, господин барон, конечно, в деньгах тогда не нуждались.

— Не напоминайте... — отмахнулся я. — А у Инны как дела? — спросил я после паузы.

— Ой, хорошо, что ты напомнил! — Тётя Соня схватилась за голову. — Инна просила тебя зайти.

— Хорошо, зайду. — Я решил сначала допить чай.

— Зайди-зайди, прямо сейчас, — начала поторапливать тётя Соня. — А то она меня уже несколько раз просила, а я и забыла! — Она развела руками. — Неудобно перед ней.

— Понятно, — начал приподниматься с места я. — Но, пожалуй, сначала переоденусь... — Я указал рукой на пижаму.

Я вернулся в комнату и достал из шкафа несколько будничных костюмов на выбор. Затем покопался в комоде и переложил револьвер на более видное место.

Утренняя ситуация с ЧК была неприятная. А если кто другой заявится... похуже ЧК?

Конечно, хуже, чем Чрезвычайная Комиссия советского государства, никого нет, но вот опаснее... Если лично для меня, то могут быть... До сих пор не представляю, сколько врагов могут знать о моём местоположении. А о своей уязвимости в этой коммуне — даже не хочется думать.

Я ещё раз осмотрел комнату. В какой-то степени мне повезло с ней. Насколько вообще можно употребить слово «повезло» к обанкротившемуся аристократу, у которого новая власть забрала всё наследство и имущество...

Но хотя бы в этой коммуналке, которая тоже является бывшей квартирой буржуазной семьи, мне достался хозяйский кабинет. Картин тут, конечно, не осталось, их раскулачили. Но присутствуют комод и шкаф эпохи романтизма, пара кресел и стул в стиле рококо и стол, как и неплохая кровать, собранные в начале нашего века. А ещё окно, из которого открывается город... Из остальных окон квартиры виден разве что угрюмый внутренний двор.

Тётя Соня живёт в бывшей детской, доктор Блюменколь — в гостевой, а коморку Петра Гобченко выстроили принудительно, разделив несколькими полукартонными стенами хозяйский зал, из остатков которого появилась и кухня. А вот Инна Балконская — моя бывшая жена — занимает хозяйскую спальню.

Интересно, конечно, судьба распорядилась, поселив мою бывшую жену в соседней комнате, показав чудеса бюрократии новой власти. Хоть Инна от рождения и не являлась дворянкой, а по батюшке вообще — Жигачь. После революции и нашего развода обрела документы на имя Балконской. И это при том, что наш сын оставался Верховным. Зачем же она взяла слегка изменённую фамилию и без того вымышленного князя? Вопрос не ко мне. Но Инна всегда была влюблена в стиль дворянской жизни, даже больше, чем в меня. И в текущем времени, если я не могу забыть жизнь, которая принадлежала мне, то Инна, скорее всего, не хочет отпускать жизнь, к которой прикоснулась.

Я выбрал простой, будничный костюм чёрного цвета и направился в комнату к моей семье. Постучал и, не дожидаясь ответа, зашёл в незапертую дверь.

Напротив входа стояла заправленная золотистым покрывалом кровать эпохи рококо, рядом был большой шкаф увядшего барокко, на полу валялись оловянные игрушки. Недалеко от входа расположилось огромное зеркало, всё того же барокко, возле которого, сидя на мягком табурете, Инна расчёсывала свои русые волосы. Небольшой столик и тумбочка под зеркалом изобиловали атрибутами женского туалета.

— Папа! — Даня подбежал ко мне и обнял мои ноги. Я погладил его по волосам, цвет которых был как у мамы.

— Сёмка с соседнего двора постоянно покупает много семечек, всем даёт, а мне нет, — обиженно сказал он. Я запустил руку в карман, нащупал там мелочь и отдал её сыну.

— Купи сегодня себе тоже и ему не давай.

— Спасибо! Так и сделаю, — сказал сын и азартно убежал гулять.

— Ты хотела меня видеть? — спросил я у Инны.

— Дашь закурить? — Инна взяла с комода пыльный мундштук.

— Не курю, — ответил я. Она посмотрела недоверчиво.

— Тебе нужно отучаться от аристократических привычек. Нынче женщинам курить не модно, особенно неработающим. — Инна обиженно отвела взгляд. — И от этого тоже отучаться надо, — подметил я. — Вот от таких буржуазных жестов.

— Ладно, Альфред, — устало сказала она. — Нам нужны деньги... Дане пора в школу идти, без большой взятки его просто так не возьмут. С твоей-то фамилией... Меня, вон, тоже на работу не берут.

— Ну... ты ведь теперь Балконская, — немного язвительно сказал я. — Балконских на завод не возьмут.

— Меня бы и как Верховную не взяли бы... Но неважно. А ты нашёл работу?

— Нет.

— Собираешься искать?

— Возможно.

— Ну, Альфред... Ты ведь не хочешь, чтобы твой сын рос беспризорником и походил на твоих дружков из детства?!

— Такой жизни я для него точно не хочу.

— Нужны деньги... — повторила она, глядя через зеркало куда-то в стену. — Я бы не просила тебя. Мне неудобно, но... сам понимаешь... взятка большая нужна...

— Я решу вопрос.

— Альфред...! — Она резко развернулась ко мне и посмотрела пристально. — Только я тебя прошу, не иди к бандитам! — добавила она заботливым тоном.

— Я и не собирался...

— Пожалуйста, не связывайся с этим. Мужчине легче устроиться на простую работу. Даже с твоей фамилией. Я узнавала. Рабочие руки нужны везде. А в криминал не надо... Видишь же, какое опасное время...

Я молчал, Инна загрустила. Она положила расчёску на тумбочку и пересела на кровать.

— Просто, знаешь... Я порой... Да что там порой! Я часто вспоминаю то время, когда я выходила за тебя замуж... Какая же я была счастливая. Даже не верится, что сейчас всё так.

— Но вы ведь не голодаете, это уже хорошо.

— Я понимаю. Но хочется чего-то большего. — Инна отвела взгляд к окну. — Но это я, — продолжила она. — Понятное дело, ты не обязан мне давать деньги, но подумай о сыне... О его будущем.

— Деньги будут, — сказал я, затем порылся в кармане пиджака и протянул Инне пачку сигарет. — Кури.

Она выразила недоумённый взгляд при виде пачки, который плавно перерос в ядовито-обиженное лицо. Она встала с кровати и достала мундштук со столика, сдула с него пыль и закурила.

— Знаешь, иногда мне кажется, что тебе нужно попасть на фронт, — начал говорить я. — Пережить все лишения той жизни и понять, какое счастье — просто набить брюхо досыта мясной или рыбной похлёбкой вечером. Тогда ты и поймёшь счастье спокойной и мирной жизни.

— Но ты ведь не был на фронте! — импульсивно возмутилась Инна.

— Ну да. Но у меня хорошо получается, правда?

— Ты неисправим.

— Но воевать нынче в почёте, и если зайдёт об этом речь, я не окажусь в дураках.

— Господи, Алик... — Инна устало закатила глаза.

* * *

Я оставил ей пачку и ушёл в свою комнату. Посмотрелся в зеркало уже на себя, и чёрный костюм мне не понравился. Так что переоделся в другой, тёмно-коричневый, более пролетарский. Он больше подходил для выхода в город.

Хоть и тяжело на душе, и лишний раз никуда не хочется выходить, всё равно пришлось себя заставить. Ведь, прогулявшись по центру или Молдаванке, велика вероятность встретить нужных знакомых, которые могут обладать очень важной информацией. Возможно, самой важной за последние годы.

Я вышел в кухню. Там уже сидел мой друг с соседней улицы, в народе — «Окс», а по рождению Абрам Исаакович Оксенкруг. Он невысокого роста, с широким, добродушным лицом и хитрыми усами. Он старше меня на пару лет и всегда носит кипу, хоть и не религиозен.

Окс уплетал за обе щёки форшмак, намазанный на мацу, и вместе со сдобной выпечкой тёти Сони запивал это всё кофе.

— Приветствую, — сказал я.

— Шалом, — ответил Окс с набитым ртом. — Ты не стесняйся, присаживайся, чувствуй себя как дома, — с коренным акцентом сострил он.

— Благодарю. — Я откусил маленький кусочек печенья и на этом завершил трапезу. С утра мне кусок в горло не лез.

— Я слыхал, шо ЧК проявляет нездаровый интерес к личности Розенберга? — спросил Окс, всё ещё не прожевав, при этом улыбаясь и подёргивая бровями. Эх, тётя Соня... Уже всё ему рассказала.

— Да, проявляет, — ответил я.

— Ну, а таки шо вы себе ещё думали? Не слышали, какого шороху Чёрные Коты навели вчера неподалёку?

— Я не слышал...

— Ну так и вот! Теперь будешь слышать! — Окс усмехнулся, наконец-то дожевав. — Ещё скажи, шо ты не знаешь, что они кошмарят всех вокруг — от блатных до легавых.

— Ну, это слышал... Это, наверное, все слышали, — задумчиво ответил я.

— Ну так, а я тебе о чём! — как будто воодушевился Окс. — Я тебе таки больше скажу — я ваще не помню, шобы хоть одна шайка настолько ставила на уши весь город! Ты знаешь пример?

— Не припоминаю.

— Ну и вот! А ты ещё и имеешь имя, как у Розенберга... — Окс опять улыбнулся, хотя в такие моменты было не до улыбок. Всегда поражался его особенности — всё сводить к шутке. — Ладно, мне это таки не важно, — продолжал Окс. — Вечером мой старый подельник Беня зовёт посидеть в «Мурке» на Пересыпи. Пойдёшь с нами?

— А как же? Конечно, пойду.

— Кайф.

— Ну идём прогуляемся тогда, что ли? Если ты уже набил брюхо, — пошутил я.

— Таки пошли, — улыбчиво ответил Окс, вытирая руки полотенцем..

Мы спустились во дворик. Детвора резвилась, то появляясь, то исчезая в развешенном на верёвках белье. За ними, как надзиратель, наблюдала Ольга Вольф — наполовину еврейка, наполовину итальянка. Она была широкая в бёдрах и талии, с загорелым лицом и слегка монгольскими глазами. Она никогда не снимала бигуди с волос и имела в своём гардеробе несколько красных халатов в цветочек.

— Оксенкрууг! — завопила она писклявым голосом на весь двор.

— Я вас слушаю, Ольга Иосифовна.

— Почему тебя сегодня не было в синагоге?! — возмущалась она. Окс виновато молчал. Ольга Вольф держала руки в боках и буравила его недовольным взглядом.

— Ну-ка, быстро скажи мне, куда дойдёт коммунизм?! — Помимо всего прочего, она была ещё и ярая, идейная коммунистка.

— Я, к сожалению, запамятовал, — стыдясь, ответил Окс.

— Запомни! Запомни, коммунизм дойдёт до Пьяццале Лорето! Это я вам говорю! Я вам клянусь! Коммунизм захватит всю Европу, и финальной его частью будет красный парад на Пьяццале Лорето! Альфред, не убирай глаза! Тебя это тоже касается. Запомни, коммунизм дойдёт до Пьяццале Лорето!

— Она буйнопомешанная, — сказал я, когда мы выходили через арку в открытый город.

— Так таки есть такое... — согласился Окс.

— Её давно пора запереть в дом для душевнобольных.

— Таки пора... Тока богаделен уже и не осталось, — Окс усмехнулся. — Дело таки лишь в том, что если бы Чёрные Коты не снаряжали туда налёты, то богадельни бы были, и Ольга Иосифовна давно бы обрела покой там...

— Опять Чёрная Кошка виновата?

— Получается...

Далее Окс поведал мне, что давно интересуется Чёрной Кошкой как явлением, собирая о них информацию «чисто для личного интереса».

Они буквально невидимки для всех. Совершают набеги, грабят точки или жестоко расправляются с неугодными, а после исчезают.Но самое умопомрачительное, что при столь дерзком поведении про них толком никто ничего и не знает. Даже среди кругов как мелкого криминала, так и маститых бандитов — слухов много, фактов никаких. Кто-то где-то что-то слышал, у кого-то знакомый знакомого что-то якобы знает, а знакомый другого знакомого, кум жены брата, вообще там состоит.

И получается, что феномен Чёрной Кошки в народе стал как миф. Но нападения-то настоящие. От этого, среди людей, растёт ещё больше слухов. Некоторые непорядочные люди вообще «начинают гнуть пальцы» и приписывать себя к числу Чёрных Котов и «травят басни».

Но сам Окс уверен, что в этой банде перемешаны офицеры белой армии и матёрые урки предыдущего поколения, которые правили в Одессе ещё до революции.

Сложно поверить в столь гремучую смесь несовместимых людей, но подтвердить или опровергнуть это никто не может. А Окс как будто бы и правда что-то знает.

Во всяком случае, его версия основана на собранной информации и анализе фактов, в отличие от любого другого человека, кто про них рассуждает.

Какое-то время мы шли молча, пересекая одну за другой улицы центра. Отовсюду доносились звуки: со дворов, где резвилась детвора, из открытых окон первых этажей одинаково смешивались веселье и брань.

— Окс, расскажи-ка мне про рынок краденых картин?.. — вдруг спросил я.

— Опа... — Окс слегка выпучил глаза от неожиданности. — А почему это таки мой дорогой друг Альфред вдруг интересуется такой темой?! — спросил он, улыбаясь.

— Да понимаешь ли... По своим связям я узнал, что в городе может скоро проходить чрезвычайно ценная картина. И кто об этом может знать лучше тебя?

— Дорогой, вот всё, шо происходит, знаю, но вот конкретно за это не знаю. — Окс задумался. — Иди к Кашерному, спроси.

— К Шимону, да... — задумался уже я. — А это правильная мысль. Давно его не видел...

Поздней весной Одесса была окутана ароматом сирени и белой акации. Мы прогулялись до Оперного театра и голубоватого отблеска моря, который виднелся от следующей улицы.

Лучи солнца разрезали белые, как наряд невесты, облака. Копыта лошадей извозчиков постукивали по брусчатке. Вокруг кипела жизнь, горожане занимались мирными заботами.

Вернулся я уже без Окса, оставив его недалеко от Бродской синагоги.

На Базарную улицу завезли питьевую воду. Мне навстречу шли толпы людей с бидонами и вёдрами. В некоторых женщинах я узнавал своих давних знакомых, с которыми мы каких-то 10 лет назад кружились на балах. Это уже не юные красавицы, завидные невесты, а взрослые, широкие в бёдрах женщины — многодетные, побитые переменами и нашедшие место в новом мире. Они адаптировались к новой жизни, растворившись в ней, а я — нет...

Наш город то под красными, то под белыми, то, видимо, скоро будет под "Чёрными", и это я не про Махно.

Помимо этого, Чрезвычайная Комиссия губернии держит граждан в ежовых рукавицах страха — говорить нынче нужно очень аккуратно и только с правильными людьми. Однако при таком тотальном контроле ЧК абсолютно игнорирует уголовный мир. Человека ведут на суд к расстрельным тройкам по лживому доносу о «контрреволюции», но в этот же момент Слободские Громилы трясут деньги с торговцев за крышу.

Такой абсурд несправедливости угнетает меня как человека, привыкшего хоть к какому-то подобию справедливости и чести.

Однако есть у меня одна идея, как выбраться из этого бардака навсегда. Эту новость я узнал буквально случайно и понял, что хватит пребывать в отчаянии. Пора действовать и пройтись по старым связям и знакомым, которые остались, если кто-то ещё меня помнит. Дело будет громкое, картина знатная и уникальная. Через кого-то обязательно должна пройти информация, и, если повезёт, я смогу получить хоть и малую, но всё же долю наследства моей семьи.

* * *

Вечером мы сидели за деревянными столами в «Мурке». Играла хмельная весёлая музыка, бендюжники и моряки пытались произвести впечатление на распутных барышень.

Мы ели уху, рыбный паштет и щучью икру, запивая самогоном местного производства.

Беня, подельник Окса, — бывалый еврей, который выглядел на шестьдесят, хотя ему нет и пятидесяти. Жизнь потрепала этого морского волка рыбацкого флота. Большую часть её он отходил моряком, а в налётчики подался ещё до революции.

— Анархисты они! — говорил Беня. — Эта ваша Чёрная Кошка. Махновцы! Все чёрные. Чёрные коты. Чёрные махновцы... — пьяным и уверенным тоном заявлял Беня.

— А ты разве с кем-то из них знаком? — с интересом спросил Окс.

— Лично не имел такой возможности, но многое доходило до моих ушей, — ответил Беня, стукнув кружкой по столу.

— Я таки сомневаюсь, шо они чёрные, наоборот, золотопогонники они, — продолжил Окс. — Из белых там много, слухи ходят.

— А ты у своего корефана спроси! — Беня указал на меня. — Рожа у него такая. Знает что-то.

Я усмехнулся и выпил чарку самогона. Беня зажал зубами папиросу и предложил нам. Окс отказался: у него недавно выявили какую-то болезнь лёгких. Я тоже решил не брать.

— Таки Альфред знает не больше нашего, — продолжил Окс.

— Ну таки, если там золотопогонное офицерьё, то внатуре понятно, почему они всем пистоны вставляют! — продолжил рассуждать пьяный Беня. — Вот возьмём матёрого урку. Он хоть и на блатной козе двигается и дух имеет, но не может воевать с мушкетной рожей. Правильно говорю?! — Он посмотрел на меня.

— Всё верно... — подтвердил я.

— Ну так и если таки так и рассудить по здравому смыслу, то Розенберг тоже должен был белые погоны носить, — сказал Окс и поднял чарку.

— Неее! Какие там погоны! Он из наших правильных босяков, — отвечал Беня.

— Смотря как правильно трактовать фамилию, — вдруг решил, по привычке, блеснуть знаниями я. — Если он из Белых, с немецкими корнями, то Розенберг — это «розовая гора», если я не ошибаюсь... — И тут же понял, что реплика была лишняя, произнесённая не в том обществе.

Беня недоверчиво посмотрел на меня, пытаясь переварить сказанное.

— Ну таки похоже на правду! — воодушевился Окс. — Так и запишем как версию! — Он достал из кармана пиджака маленький блокнотик и обгрызенный кусок грифельного карандаша.

— Не-е-ет, — пьяно затянул Беня. — Говорю вам! — Он хлопнул по столу. — Я лично видел Розенберга ещё по молодости. И говорю вот, шо он босяк! — Видимо, пьяный Беня забыл, что только что говорил обратное. — Окс, выкинь это пёрышко! Не катай маляву! Фуфло это всё. Вообще, мой знакомый лично его знает, — надменно добавил Беня.

— А я таки уверен, шо тут какой-то разводняк и ты начинаешь чесать, дорогой, — усмехнулся Окс. — Сейчас много кого можно принять за Розенберга. Вон к Альфреду утром чекисты приходили. Тоже проверяли, не Розенберг ли он.

— Слушай, а как твоя фамилия? — обратился Беня ко мне.

— Верховный.

— Ого. — Беня откинулся на спинку стула. Затем потянул руку вверх, намекая на высоту, и несколько раз вдарил себя по плечу, намекая на белые погоны.

— Польские корни, — подметил Окс. Нам принесли ещё одну порцию рыбного паштета.

— Слышь, Окс, — сказал Беня, выдохнув свой едкий дым в находящуюся на столе еду. — Пойдём-ка, выйдем, перетрём.

— Дорогой, я таки понимаю, о чём ты, — затянул своим акцентом Окс. — Альфред мой верный товарищ. У меня от него секретов нет.

— Хмм. — Беня нахмурился. — Золотопогоннику доверяешь?

— Он таки наш. — Окс улыбнулся.

— Ну смотри сюда тогда. — Беня нагнулся над столом. — Дельце есть на миллион, — тихо сказал Беня. — Через неделю будут везти драгоценности, персидские. Коммерсы контра-

банду замутили. Спрячут их в турецкие ковры, вывезут с порта. А там мы их накроем! — Беня хлопнул в ладоши. — Налёт будет просто огонь, золотое дно, всё в ажуре.

— Не, Беня. Ты ведь знаешь, я только по мелким кражам, — отнекивается Окс.

— Да ладно тебе! Ты не перебивай меня! Я тебе не предлагаю с валыной прыгать с нами. Но всегда знаешь, кому можно спихнуть, подороже. Понял, о чём я?

— Ой, не знаю, Беня, уже давно только по мелкому работаю... — смущённо сказал Окс.

— Опана! — послышался бас слободского громилы, который проходил мимо нашего стола. — Это хто у нас по мелким кражам работает?! — Он резко развернулся к нам. Это был действительно большой парень, так что, сидя, размеры его было даже сложно оценить, с квадратной челюстью и налитыми силой руками. — Карманник, шоли?! — Он строго обратился к Оксу. Лицо его показалось мне знакомым.

— Э, урки! — Он свистнул так, что приглушил музыку. Возле нашего стола оказались ещё четверо громил. — Посмотрите на мелкого. На днях мою сестрёнку обчистили, зуб даю, видел его там.

— Дорогой, ты таки меня с кем-то путаешь, — спокойно ответил ему Окс.

— Какой я тебе дорогой?! — Громила нагнулся к нему. — Куда добро дел, падло?! — Он попытался прихватить Окса за пиджак.

— Ну-ка, хари задвинули! — рявкнул Беня. А затем продолжил хриплым шёпотом: — Вы шо, не видите, шо за соседним столом сидят чекисты!

Я обернулся: там были тёмные фигуры в шляпах.

— Какие чекисты?! Не наебёшь нас, старый! — злобно ухмыльнулся один из громил. — Это наши урки.

— Ну так урки! — пристально посмотрел на него Беня. — Если по жизни считаешь себя таковым и претензии имеешь, то давайте завтра на Слободке сход соберём и порешаем! Я позову Шимшона Кофтмана и Борьку Московского.

— Ты шо, старый, думаешь, ты один серьёзных людей знаешь? — отвечал ему тот. — Да, я сам лично их позову, после того как поставлю к стенке мелкого.

— А потом и тебя, если полезешь, — добавил первый громила, который и начал саму разборку. Он положил здоровый кулак на стол, а у второго из-под рукава сверкнуло лезвие ножика. — Ходём-ка выйдем, до-ро-гой!

Вдруг я понял, почему мне было так знакомо лицо первого громилы.

— Виля? — поинтересовался я. Громила покосился на меня.

— Альфред?! — резко удивился он. — Дружище!